

Глава № 1 «Прогресс»

22 июня 2010 года.

23:30 по местному времени.

Башкортостан, город Бирск.

Жаркий июльский вечер подходил к концу. Солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом и последние лучи, мягким малиновым светом заливали всю окрестность. Духота уходящего дня, предвещала скорый дождь, и действительно вдалеке уже слышались первые раскаты грома, доносившиеся откуда-то из-за реки. Легкий ветерок навевал пьянящий аромат луговых цветов и трав.

На самом краю города двое молодых людей, крадучись, пробирались к бывшему заводу «Прогресс». Некогда огромный комплекс теперь был заброшен, хотя в административной части разместился филиал Уфимского экономического института. Следы запустения были отчетливо видны, потрескавшаяся кирпичная кладка, полуразвалившиеся внутренние постройки, выбитые окна, этот завод, словно памятник прошлой эпохи серой скалой выделялся на фоне частных одноэтажных домов, впрочем, за «Прогрессом» начиналось поле. Это действительно был тихий и уютный уголок, несмолкающий треск кузнечиков и щебетание птиц, словно бальзам на душу, разливался умиротворением и покоем.

– Как лучше всего попасть на территорию? – задумчиво глядя на бетонный забор, спросил парень свою спутницу.

Девушка в это время любовалась полетом ласточек. Она стояла в пол оборота к парню с небрежно рассыпанными по плечам и лицу темными волосами, доходившими почти до пояса. Было заметно, что прогулка доставляет ей неподдельное удовольствие. На губах играла еле заметная улыбка, казалось, во всей ее фигуре было спокойствие и уверенность. На ней была широкая желтая блуза, перехваченная черным поясом, черные обтягивающие джинсы и белые кроссовки.

– Смотри, как низко летают – девушка указала на ласточек – значит, скоро дождь будет.

Парень внимательно посмотрел на запад, откуда слышались далекие раскаты грома.

– Думаю, ты права, из-за реки идет гроза, но у нас еще достаточно времени, а на повестке дня вопрос, о проникновении на территорию «Прогресса», который никто не снимал. У тебя есть идеи?

– Нету – пожала плечами девушка.

Парень прошел вдоль забора и подошел к железным воротам. Как ни странно они были заперты, причем, судя по всему, открыть их уже не получится никогда. Ржавчина насквозь изъела петли ворот и замок.

Тем временем девушка подошла к своему спутнику, озорно подмигнула и со словами «Давай за мной» с невероятной легкостью и грациозностью за считанные секунды перебралась через бетонную стену.

– Все гениальное просто – усмехнулся парень и последовал за девушкой. Сначала ставим ногу на нижний выступ, хватаемся за верхний руками, подтягиваемся и... и... Парень довольно неуклюже улегся животом на бетонный забор. Сумка оттягивала плечо, мешая держать равновесие, пришла запоздалая мысль, что вначале стоило перекинуть Кате сумку. Наконец он перебросил ногу и с победоносным видом выпрямился.

Оказавшись верхом на заборе, парень решил осмотреться. Слева от навечно запертых ворот, располагался КПП с провалившейся крышей. Округа все также тонула в зелени, позади серыми глыбами возвышались полуразрушенные корпуса завода «Прогресс», с трещинами в стенах, выбитыми окнами и прочими радостями умирающей, некогда

немаловажной части инфраструктуры города. Парень и дальше бы рассматривал эту печальную картину человеческой безответственности, если бы в корпусе, где располагался сторож, не загорелся свет. Наш, отважный покоритель заброшенных заводов отчетливо увидел в стремительно сгущающихся сумерках силуэт сторожа.

– Максим, ты там часом не уснул? – окрикнула парня девушка.

Но Максим и так уже поспешно искал пути к воссоединению с землей-матушкой, наконец, парень спрыгнул на землю и опасно покосился в сторону корпуса, где находился сторож.

– Кажется, твой отец заметил меня, когда я перелезал через забор – неуверенно сказал Максим.

– Заметил? – спросила Катя, бросив тревожный взгляд в сторону окна, где еще недавно был силуэт сторожа.

Максима всегда умиляла привычка своей спутницы, в моменты, когда она растеряна теревить мочку уха. В этот момент она казалась ему еще милее, чем обычно. До чего же трогательно было смотреть, как она встревоженно смотрит и часто, хлопает длинными ресницами. Максима буквально переполняла нежность к своей спутнице, ему тут же захотелось, чтобы она узнала, как сильно он ее любит.

– Катенька, он же твой отец, ничего он не сделает – обнимая девушку, сказал Максим.

Катя улыбнулась, какой же родной и теплой была эта улыбка...

– Просто не хочется потом выслушивать поучительные лекции о том, чем плохая дочка отличается от хорошей, и вообще он с запретами насчет «Прогресса» уже все уши прожужжал.

– Да уж, с самого детства вбивал в голову, что сюда ходить нельзя – хмурясь, подтвердил Максим.

– Но, как известно запретный плод сладок – улыбнулась Катя – Пошли, мы же тут еще ничего не видели!

До чего же огромный оказался этот заброшенный завод «Прогресс»! Строго говоря, он не был заброшен, он был законсервирован. Законсервирован настолько что, похоже «расконсервировать» его никто не собирается. Максим поражался, как можно было лишиться стольких людей работы, как можно было допустить простаивания и разрушения комплекса, который с таким трудом возводили. Парень заглядывал в окна, и повсюду были опечатанные станки и аппаратура. Максим решительно не понимал, почему в Бирске, в городе котором он живет, один за другим закрылись все заводы. К сожалению это было не только в Бирске, почти во всех провинциальных городках, в которых побывал Максим, была схожая ситуация. Зато магазины открывались на каждом шагу. В городе можно было найти работу только продавцом, водителем такси, ну и конечно в цехе по лепке пельменей.

Максим насчитал около 8 огромных, многоэтажных корпусов. Все они были соединены асфальтированными дорогами, кое-где встречались пешеходные дорожки и даже небольшая аллея. Асфальт был в жутком состоянии, весь в трещинах, из разломов пробивалась трава, одичавшие кусты вдоль дорожек, возвышались высокой непреодолимой преградой.

– Смотри – Катя указала в сторону одного из корпусов.

Примерно 20 железных контейнеров были составлены у стены здания. Это были небольшие контейнеры примерно метр в высоту и полтора метра в длину. Ржавчина кое-где насквозь проела железо.

Недолго думая Максим открыл свою сумку, переброшенную через плечо, и достал оттуда две пары рабочих, прорезиненных перчаток. Одну пару он кинул Кате, а другую принялся надевать сам.

– Пошли, узнаем, что прячут в этих железных контейнерах – подмигнул Кате Максим.

– Пошли – легко согласилась Катя.

Контейнеры были не заперты, в каждом из них стояло по две герметично закрывающиеся синие пластмассовые бочки. Никаких надписей или предупредительных знаков на бочках не было. Крышки были намертво прикручены.

– Интересно, что там, в нутрии – с любопытством глядя, как Максим тщетно пытается открутить крышку, с синей бочки, сказала Катя.

– Вот сейчас и узнаем – пропыхтел Максим.

Наконец убедившись, что руками открутить крышку не получится Максим достал из сумки небольшой гвоздодёр и с новой силой набросился на бочку. Вскоре крышка не выдержала и поддалась.

– Что там? – подходя ближе и заглядывая внутрь бочки, спросила Катя.

– Ничего, только опилки – озадаченно глядя на содержимое бочки ответил парень – хотя...

Максим принялся выгребать руками из бочки опилки, и вскоре рука ударилась о какой-то предмет, похоже, что о стеклянную бутылку. Максим вывалил еще немного опилок, и наконец, увидел, что же прятали в синих бочках. Это была огромная двадцатилитровая стеклянная бутылка с какой-то бесцветной жидкостью. Присмотревшись Максим, заметил небольшую этикетку, на ней был странный знак: греческая буква пси в круге и небольшая надпись – KP19.

– Ого – удивилась Катя – Что это за штукавина?

– Не знаю, но что-то мне подсказывает, что это лучше не открывать.

– Печально, что наше правительство допускает развал таких предприятий, как «Прогресс»

– грустно сказала Катя, видимо ее мучали те же мысли, что и Максима – раньше здесь изготавливали оборудование для подводных лодок, а теперь...

Очередной раскат грома на этот раз сильнее прежних заглушил последние слова Кати. Надвигалась буря, уже почти все небо было затянуто свинцовыми тучами. Кроваво красный закат не предвещал ничего хорошего. Последние лучи солнца как-то особенно ярко осветили все вокруг. Солнце скрылось за горизонтом, и сразу воцарился полумрак, словно чья-то невидимая рука накинула темную полупрозрачную пленку. Далекие силуэты домов расплывались в легкой дымке, поднимающейся от нагретого асфальта. Было невыносимо душно, но буквально через мгновение, ветер усилился, из приятного теплого ветерка, он превратился в холодный колючий ветер. Вспышка молнии, блеснувшая где-то рядом, разрешила полумрак. Все звуки вечернего луга потонули в оглушительном раскате грома. Первые капли неуверенно и робко упали на ребят.

– Приближается буря – силась перекричать очередной раскат грома, прокричал Максим – Надо где-нибудь спрятаться.

– Где, например? – спросила Катя.

И действительно где? Вокруг возвышались огромные бетонные здания, но все входы были закрыты и опечатаны, а все стекла на первых этажах оказались целыми или забитыми фанерой. Словом оставалось либо бежать к остановке и, судя по усиливающемуся ливню утонуть по дороге, либо к Катиному отцу, и получить строгий выговор с занесением в личное дело. Максиму не хотелось портить отношение с Катиным отцом, но и утонуть по дороге к автобусной остановке перспектива не из лучших. С какой стороны не посмотри кругом тупик.

Неожиданно Максим заметил, что совсем рядом с ним двери одного цеха распахнуты настежь. Неужели спасение?!

– Например, в том цехе – Максим указал на открытые двери.

– Тогда догоняй – игриво толкнув Максима в грудь, воскликнула Катя и побежала к спасительной крыше.

Максим не стал ждать повторных приглашений и довольно быстро нагнал беглянку. Подхватив ее на руки, Максим побежал к открытой двери. Это было потрясающе. Максим бежал под дождем, с любимой девушкой на руках. Молнии освещали небо уже ежесекундно, темнело невероятно быстро, Максим уже с трудом различал силуэт открытой двери, хотя она была в десяти метрах. Совсем рядом сверкнула вспышка, но на этот раз это была не молния. Старый высохший клен не выдержал напора стихии и упал прямо на провода, посыпались искры.

Бежать было неудобно, ноги то и дело проваливались в огромные трещины в асфальте, с обеих сторон густо разросся кустарник и ветками цеплялся за одежду. Наконец-то ребята добежали до входа в корпус. Двухстворчатая железная дверь была распахнута настежь, ржавая и покосившаяся она протяжна, скрипела на ветру. Над дверью был небольшой железный навес, кое-где ржавчина насквозь проела металл. Над крыльцом была надпись «Корпус № 7», некоторые буквы отсутствовали, многие покосились, но слово угадывалось безошибочно.

– Сударыня, я вас спас от лютой стихии – отдуваясь, сказал Максим, становясь под железную крышу крыльца – Не положено ли мне вознаграждение?

– Положено – просто ответила Катя и поцеловала Максима.

Тысячи капель, ударяясь о железную крышу, сливались в шум, сравнимый с шумом водопада. Крыша была худая, и с нее сочилось вода. Струйки воды стекали по лицам ребят, намокшая одежда липла к телу, ветер сорвал с головы Максима кепку и унес в черноту неожиданно наступившей ночи. Но Максиму было на это плевать, он не обращал внимания, что стоит под мелкими струйками протекающей крыши. Для Максима сейчас существовала, только Катя и дождь. Дождь... Никогда в жизни Максим не радовался так дождю, он делал поцелуй особенным, незабываемым. Внутри стало так тепло и уютно, было такое душевное умиротворение, что каждое мгновение становилось незабываемым и приносило непередаваемое наслаждение. Было ощущение, словно это не он стоит весь мокрый на холодном ветру под протекающей крышей, а кто-то другой, а Максим просто смотрит на это из окна теплого дома, сидя на кресле перед камином, укутавшись в одеяло.

Максим не знал, сколько прошло времени, может минута, а может и полчаса. Поцелуй закончился также неожиданно, как и начался, и Максиму понадобилось еще минут пять, чтобы прийти в себя. Катя не торопила парня, они так и стояли, обнявшись, под мелкими струйками протекающей крыши, пока Максим, наконец, севшим голосом не предложил зайти внутрь «Прогресса».

Ребята очутились в огромном цехе. Потолок терялся где-то в темноте, он явно был выше трех метров. Краска на стенах потрескалась и отваливалась целыми кусками. В воздухе висел отвратительный запах гнили и затхлой воды. Не удивительно, кругом виднелись огромные лужи с застоявшейся водой. Плитки на полу не было видно под толстым слоем грязи. Вся левая стена состояла сплошь из одних окон, кое-где под потолком стекла отсутствовали, и ветер жутко завывая, врвался в заброшенное помещение.

Везде, куда хватало взгляда, возвышались огромные станки. Зрелище прямо-таки завораживающее. Некоторые станки выглядели почти как новые, ржавчина их не тронула, а некоторые были похожи на груды металлолома.

Максим затаив дыхание подошел к ближайшему железному исполину. Он был метра два высотой, выкрашенный в темно зеленый цвет. На уровне рук была небольшая площадка, выкрашенная в предупредительный желтый с черными полосками цвет. Сверху нависало что-то напоминающее бур, от которого вверх уходили толстенные шланги. Задняя стенка агрегата была снята, так, что можно было наблюдать сложный

внутренний механизм станка. Сбоку на темно-зеленом корпусе выделялась красная кнопка, на которой висела табличка «Не включать, работают люди».

– Шикарно – вертя в руках табличку, прошептал сияющий Максим – я словно оказался в другой эпохе, древние станки, такое ощущение, что их как бросили в 1991, так больше ни разу и не трогали.

– Может и не трогали – пожала плечами Катя – мне тут определенно нравится, похоже, что мы тут первые из посторонних.

– Кажется да, хотя это очень странно.

Ребята пошли вглубь цеха.

– Невероятно – восхищенно прошептал Максим – настоящий электрокар.

Это был небольшой грузовичок, угловатая модель прямо из восьмидесятых, а быть может и семидесятых. Выкрашена в желтый цвет, от времени краска почти полностью слезла, а деревянный кузов прогнил. Машина стояла на спущенных колесах в огромной ржавой луже. Два больших аккумулятора располагались под дном кузова, за счет них грузовичок и передвигался.

– Максим – Катя неуверенно позвала парня – посмотри сюда и скажи, что это такое, и чем, черт возьми, тут занимались!

Неподалеку от грузовичка накинутый, на один из станков лежал скафандр химзащиты. Максим не сразу понял, что это за костюм, но присмотревшись, безошибочно узнал в нем знаменитый «Треллкем Супер».

Этот скафандр предназначен для защиты практически от всех аварийно химически опасных веществ. Костюм оснащен системой вентиляции под костюмного пространства,вшитыми сапогами со стальными вставками и защитой от проколов. Полиэфирная ткань, покрытая синтетическим бутилкаучуком, надежно защищает от самых сильных кислот и ядов. Костюм полностью изолировал своего владельца от внешнего мира смотровым стеклом, которое в свою очередь являлось ударостойким и химически устойчивым прозрачный ПВХ.

Максим с вытаращенными глазами уставился на химзащиту.

– Это же один из лучших костюмов химзащиты – севшим голосом сказал парень.

– Ну что нет желания вернуться назад? – спросила Катя.

– Нет, что ты – неуверенно замотал головой Максим – пойдём дальше.

Вдалеке виднелся черный проем открытой двери и ребята направились туда.

– Странно очень находиться в этом месте именно сегодня – сдавленным голосом сказал Максим.

Катя сухо кивнула. Ребята, погруженные в свои мысли, молча шли мимо исполинских станков. Наконец они дошли до выхода из цеха. В проеме, где раньше висели двери, теперь зияла огромная дыра. Стена вокруг прохода была сломана, дверной проем расширяли в спешке, куски кирпичей уродливо торчали из раскуроченной стены. Пройдя проход, ребята оказались в темном коридоре, потолок теряется во мраке, по бокам закрытые двери.

– Кажется, я знаю, почему закрыли «Прогресс» – медленно проговорил Максим.

– И почему же? – без особого интереса спросила Катя, она была погружена в собственные мысли.

– Прогресс закрыли где-то в девяносто первом году, причем закрыли в спешке за несколько дней, а то и за один – медленно проговорил Максим – в это время у нас в стране творился полный бардак, пресловутый парад суверенитетов выход союзных республик из состава СССР. Наверняка наше руководство испугалось оставлять научный потенциал в нестабильной республике, которая может стать суверенным государством.

– Ты себя слышишь? – ухмыльнулась Катя – когда это у нас переживали за научный потенциал? С самого начала СССР весь научный потенциал пускали в расход, если они не принимали идеологию, и вообще как ты себе представляешь, чтоб Башкирия отделилась, она же в аккурат посередине России, кто ж ее отпустит.

– В то время запросто. Цитирую Ельцина: «Нефть и газ Башкирии принадлежат ей, и только она вправе распоряжаться своими богатствами. Хватит, достаточно вас грабили! Если Башкирия заявит о своем суверенитете, мы будем уважать этот суверенитет». Башкирия до 1994 не платила налогов в федеральный бюджет! А Украина, думаешь, они законным путем вышли из состава СССР? Давай я приведу некоторые положения о выходе из состава Советского союза. Процесс выхода был довольно сложным и долгим. Нужно было провести референдум и только если за отделение проголосует не менее двух третей граждан СССР, у республики появится шанс отделиться. Далее этот вопрос рассматривает верховный совет СССР, после чего отправляет данные на рассмотрение высшим органам государственной власти всех союзных и автономных республик для изучения и оценки последствий. И так далее и тому подобное. И вот теперь ты мне говоришь, что Башкортостан не мог выйти из состава СССР?

– Политика это грязная вещь – вздохнула Катя – меня вот всегда удивляло, откуда вообще появилась такая национальность украинцы? В IX-X веках, сформировалось Русское государство со столицей в Киеве под властью династии Рюриковичей. Затем настало время междоусобиц и политической раздробленности, великий князь Киевский становился первым среди равных. Но в Киеве жили такие же русские люди, как и в Новгороде и любом другом русском княжестве. После нашествия Батыя Киев пришёл в запустение. Вскоре Литовское княжество захватывает Киев, с этого времени Украина переходила из рук в руки. То ее захватывает Речь Посполитая, то Турция нападает.

– Да знаю я – отмахнулся Максим – по сути, Украина то присоединялась к России, то захватывалась другими государствами. Как писал историк Явроницкий «Раздоры шли, не от народной массы, а от меньшинства, «властных» или «значных» лиц и высших духовных особ Украйны: тогда как масса украинская тяготела к России, «значные» лица и духовные особы, воспитанные в польском духе, тянули, за немногим исключением, к польским порядкам и польской жизни"».

– Да – кивнула Катя – вот мне и интересно, откуда появилась национальность украинцы и откуда столько ненависти к русским. Бандеровцы и прочее...

– И мне интересно – вздохнул Максим.

Ребята снова замолчали, Максим думал об отделении союзных республик, а вот о чем думала Катя, понять было нельзя. Неожиданно Катя нарушила тишину.

– Если то, что рассказал мне вчера вечером отец, правда, то «Прогресс» закрыли совсем не из-за боязни отделения Башкирии – тихо сказала Катя.

– А что тебе рассказал отец? – поинтересовался парень.

– Честно говоря, ерунду всякую – замялась Катя – давай я тебе, потом расскажу.

Максим с удивлением посмотрел на свою спутницу, но вслух ничего не сказал. Скоро ребята увидели грузовой лифт, но надежд, что он работает, не было никаких, все здание было обесточено.

– Куда пойдём вверх или вниз? – спросила Катя, останавливаясь у лестничного пролета.

– Вниз конечно – рассеянно сказал Максим – в подвал должны были убрать самое интересное.

Максим с Катей спускались вниз по просторной и удобной лестнице, спускались на удивление долго. Вскоре темнота стала абсолютной, густой и тягучей, словно гудрон, рассмотреть хоть что-нибудь стало совсем невозможно. Вместе с темнотой пришла тишина, это была необычная тишина, все звуки умолкли, как только ребята стали

спускаться в подземелья «Прогресса». Ни вой ветра, ни раскаты грома не проникали сюда, тишина обволакивала все вокруг, казалась, темнота впитывала все звуки.

– Подожди – отчего-то шепотом окликнул Катю Максим – я достану фонарик.

Его слова тотчас потонули в звенящей тишине. «Странно», мелькнула мысль у Максима «где же эхо». Только сейчас Максим понял, что он не слышал своих шагов. Парня передернуло, он топнул, в надежде услышать, как красавок ударит о бетон, но вместо громкого хлопка услышал лишь еле различимый звук.

– Сколько можно спускаться, я так полагаю, мы уже метров на десять спустились под землю.

Катин голос был приглушенный и тихий, словно он доносился из далека. «Наверно тоже шепотом говорит» подумал Максим. Разговаривать, отчего-то не хотелось. Максим открыл сумку и достал оттуда два фонарика. Луч света вспорол темноту, выхватывая из ее царства бледную Катю. Лицо ее не выражало никаких эмоций. Максим молча протянул фонарик своей спутнице.

Ребята продолжили спуск, темнота словно боролась с лучами света, исходившими от фонарей. Максиму казалось, что с каждой секундой дальность освещаемого фонарем пространства уменьшается. Уши стало закладывать, как будто Максим находился под водой. Где-то на границе восприятия парень услышал странный непонятный шум, он был настолько тихим и не уловимым, что Максим подумал, что это ему всего-лишь показалось.

– Я странно себя чувствую.

Казалось, что Катин голос звучал за километр, и Максиму понадобилась минута, чтобы осознать смысл услышанных слов. Тем временем шум, который был на грани слышимости креп, и теперь звучал вполне отчетливо.

– Давай вернемся – предложил Максим.

Он еле различал свой голос во всевозрастающем шуме. Неожиданно луч фонаря осветил выход, лестница заканчивалась, и дверь с лестничной площадки была приоткрыта.

– О Боже! Они мертвы... – Катин голос сорвался на визг.

Максим резко развернулся и посветил фонариком своей спутнице в лицо. Катя невидящим взором смотрела куда-то сквозь Максима.

– На них на всех химзащита, почему... как же так... – казалась, девушка вот-вот разрыдается.

– Катя, что с тобой – Максим взял девушку за плечи.

Катя моргнула и сфокусировала взгляд на парне.

– Когда мы вернулись на лестницу? – удивленно спросила девушка.

– Мы с нее никуда и не уходили – обеспокоенно ответил Максим.

– Как же – растерянно залопотала девушка – мы стояли в комнате, а за стеклом куча мертвых людей в химзащите...

Парень не слушал девушку, шум в ушах стал совсем нестерпимым, он словно во сне брел к двери.

Максим моргнул... он уже был не на лестнице, он был в центре того самого подвала, куда так стремился. Парень не помнил, как дошел сюда, Максим огляделся.

Странно, но в подвале ровным счетом ничего не было, абсолютно пустое помещение. Надо сказать не такое и большое помещение, всего двадцать, двадцать пять квадратных метров. На полу, под толстым слоем пыли угадывалась плитка, слева был тот самый грузовой лифт, мимо которого они проходили на первом этаже, а спереди огромные стальные наглухо закрытые гермоворота. Максим, заметил, что на гермоворотах был какой-то знак. Присмотревшись, парень разобрал большую черную

греческую букву пси в желтом круге. Рядом с гермоворотами была обычная железная дверь, Максим побрел туда. Мыслей не было, в голове была пустота, вакуум. Парень шел инстинктивно, в голове стоял настоящий гул, словно Максим находился рядом с водопадом.

Дверь была железной с кодовым замком, но Максиму повезло, она оказалась приоткрытой, внутри находилась небольшая комнатка с кучей допотопной электроники. Всю левую стену занимало бронированное стекло, за которым был виден шлюз. Противоположная стена шлюза также представляла собой бронированное стекло, за которым была точно такая же комната. Шлюз представлял собой пространство между двумя гермоворотами, и все это пространство было буквально устлано человеческими трупами, все они были в химзащите...

Максим не заметил, как Катя оказалась рядом с ним. Парень вспомнил про девушку, только в тот момент, когда у него над ухом раздался ее голос, срывающийся на визг:

– О Боже! Они мертвы... На них на всех химзащита, почему... как же так...

Казалось еще немного и девушка разрыдается.

– Надо уходить – ели ворочая непослушным языком, сказал Максим.

Катя всхлипнула и мутным взглядом посмотрела на парня.

– Кажется у меня дэжавю – глухо произнесла Катя – я уже была здесь и говорила это...

Ничего не говоря, парень схватил девушку за руку и потащил за собой. Максим последний раз бросил взгляд на трупы. Все были в химзащите замкнутого цикла, на костюмах не видно никаких повреждений...

– Как же сложно думать, чертов шум – выругнулся Максим, открывая дверь и буквально вываливаясь из смотрового помещения. Руки дрожали, и свет фонаря прыгал по всему помещению. Ноги сделались ватными, глаза застилал белый туман. На секунду парня ослепила белая вспышка и...

Максим стоял посреди давным-давно заброшенного кабинета. На стене висел портрет Ленина в деревянной рамке с треснутым стеклом. Безвкусовые зеленые обои были все в разводах, а кое где вспучились и отставали от стены. В углу стоял сейф, а у окна деревянный стол. За окном по прежнему шел дождь и молнии время от времени освещали кабинет синеватым светом. В кресле за столом сидел старичок лет 65, он внимательно и грустно смотрел на Максима. Наконец старик виновато опустил глаза и тихо сказал: – Я сегодня в парке вам всякого наговорил, извините меня, но я хотел вас предостеречь. Я же говорил чтобы вы ни в коем случае не ходили на «Прогресс». И вот теперь ты Максим обвиняешь меня в смерти своего отца, что ж думаю ты прав, я виноват, это на мне лежит вина и груз ответственности за все что произошло на «Прогрессе» девятнадцать лет назад.

Из слов старика выходило, что он раскаивается, может он и не убивал, а всего лишь косвенно повлиял на его смерть? Но ведь повлиял! Из-за него он лишился отца!

К своему ужасу Максим не испытывал злости к Геннадию Викторовичу, парень вообще ничего не испытывал кроме всеобъемлющей пустоты и абсолютного безразличия к себе и к тому, что сейчас с ним произойдет. Парень пробовал разозлиться на старика, но ничего не выходило. Слишком рано умер отец, Максиму тогда было всего полгода, а переживать за человека, которого он совсем не знал, не получалось. Максим с удивлением осознал, что на самом деле не особо страдал без отца. Привык все проблемы решать сам. Максим не представлял, какой была бы его жизнь, если бы рядом был папа. Еще один человек в семье, который заставляет учиться? Звонит каждый раз, когда ты уходишь из дома? Достает вопросами?

Максим лежал на холодном полу, голова пульсировала от боли. Сквозь непонятный шум, преследовавший парня, как только они начали спускаться в подземелье стали

проступать непонятные голоса, пока неуловимые, просто шепот, но это точно были голоса. С трудом Максим сел. На пыльный пол упало несколько алых капель. Что-то теплое потекло по верхней губе. Максим инстинктивно поднес руку к лицу, на тыльной стороне ладони остались следы крови. Из носа шла кровь, «видимо при падении повредил», подумал Максим. Фонарик откатился на пару шагов. Стекло фонаря треснуло, но он по-прежнему исправно светил. Луч выхватил из темноты неподвижную фигуру Кати, лежавшую на полу. Это прояснило уплывающее сознание, собрав всю волю в кулак и стараясь не обращать внимания на проклятый шепот, Максим поднялся на ноги. Покачиваясь, он подошел к девушке, она выглядела еще бледнее, чем раньше. На пепельно бледном лице особенно ярко выделялась алая струйка крови, стекающая по верхней губе и щеке. У девушки тоже шла кровь из носа.

Чтобы хоть как-то заглушить голоса, и снова не потерять сознание Максим принялся напевать. Это была старая советская песня «взвейтесь кострами синие ночи». Голоса стали тише, и теперь Максим мог действовать. Первым делом он подобрал с пола фонарик, затем взвалив на себя девушку, пошатываясь, побрел к лестнице. Как же тяжело было идти, голоса снова заполнили собой все мысли, все пространство. Максим уже не напевал, а кричал изо всех сил слова песни «МЫ ПИОНЕРЫ ДЕТИ РАБОЧИХ, БЛИЗИЦА ЭРА СВЕТЛЫХ ГОДОВ...».

Голоса, голоса, голоса... Кажется Максим знает кому принадлежит по крайней мере один из голосов. Это голос его мамы. Она ругает его за то, что он разбил мячом соседское окно. Но это было девять лет назад!

Максим шагал на автомате, он уже не мог не о чем думать и совсем не замечал, что вместо песни он теперь выкрикивает одно и то же слово без остановки: «пионеры, пионеры, ПИОНЕРЫ...». Каждая секунда казалась вечностью, Максим не знал, как долго он шел в таком состоянии, не помнил когда голоса стали затихать, память сохранилась лишь обрывками.

Трезвое мышление к нему вернулось только на третьем этаже «Прогресса», в одном из многочисленных кабинетов. Сам Максим сидел на грязном полу, прислонившись к стене, а Катя, по-прежнему без сознания находилась в кресле. Голова безвольно висела на груди, но румянец уже возвращался, стирая мертвенную бледность.

Максим мысленно похвалил себя, что даже в полубредовом состоянии он усадил Катю в кресло, а не положил на пол.

Катя тихо застонала и приоткрыла глаза. Максим резко встал, намереваясь подойти к девушке, но прогулка в подzemелье «Прогресса» явно не прошли бесследно. Голова закружилась, в глазах потемнело, и чтобы не упасть парню пришлось схватиться за стену. Только через полминуты, придя в себя Максим смог, подойти к девушке.

– Где я? – слабым голосом спросила Катя.

– Мы все еще на «Прогрессе» – присев на корточки рядом с девушкой и взяв ее руку в свою, ответил Максим – как ты себя чувствуешь?

– Плохо – слабо улыбнувшись, ответила Катя – Что с нами случилось там, в подвале?

– Не знаю...

Катя быстро приходила в себя, через десять минут она снова излучала жизнерадостность и энергию. Кабинет, в котором оказались ребята, напоминал обычный, советских времен кабинет какого-нибудь провинциального чиновника. Стены примерно на метр от пола были обиты деревянными рейками. Они заканчивались резным переходом, и сразу после него начинался затейливый орнамент из небольших квадратных деревянных пластин разного размера. Выглядело вполне не плохо. За окном была непроглядная ночь, сильный ветер с дождем заливал окно, молнии время от времени озаряли вспышками небо. В середине комнаты, стоял большой стол, по периметру

которого были расставлены кресла, в одно из которых Максим посадил Катю. Кресла были отодвинуты, многие валялись на полу. На спинке одного из кресел висела рубашка. На столе был настоящий бардак, куча документов и папок были разбросаны по столу. В дальнем углу стоял шкаф, дверцы его были распахнуты настежь. На плечиках висел костюм, внизу стояли туфли. В приоткрытой полке виднелась посуда, видимо хозяин кабинета часто оставался подолгу на рабочем месте и кушал прямо в кабинете.

– Странно – осматриваясь, сказала Катя – вещи в шкафу, посуда на полках, на столе куча документов. Уходили отсюда в спешке и позже они не вернулись на свои места.

Ребята вышли из кабинета, на двери красовалась табличка «начальник корпуса № 7».

– Так значит это был кабинет начальника – задумчиво сказал Максим – может вернемся и посмотри документы, наверняка из них можно узнать что тут случилось.

– Нет – твердо сказала Катя – хватит на сегодня приключений, пошли к выходу. Где лестница?

– Не помню – честно ответил Максим.

Недолго думая ребята пошли прямо по коридору. Всюду были распахнуты двери и везде одна и та же картина. Опрокинутые стулья, книги на полках, тетради и записи на столах, в одном из кабинетов на столе стоял микроскоп, в другом печатная машинка «Ятрань» с наполовину напечатанным листком бумаги.

– По прежнему думаешь что «Прогресс» закрыли из-за боязни потерять научный потенциал страны? – усмехнувшись, спросила Катя.

– Нет, тут что-то другое – пожившись, сказал Максим.

– Вчера вечером отец рассказал мне, что тут что-то случилось, прозвучали три сирены и работников завод эвакуировали. Причем эвакуировали в спешке, и насколько я знаю больше «Прогресс» не работал – глядя в пол тихо заговорила Катя – ты, верно, подметил, странно находится на «Прогрессе» именно сегодня, ровно девятнадцать лет назад моя мать и твой отец умерли здесь – немного помолчав Катя продолжила – вот только это не было несчастным случаем, мой отец сказал, что во всем виноват человек по имени Геннадий Викторович. Тут происходили жуткие вещи. С моей мамой случилось то же самое, что и с нами в подвале... Вот только она не выжила.

Максим остановился как громом пораженный.

– Не было несчастным случаем... – отрешенно повторил он.

Парень сразу вспомнил ведение в подземелье «Прогресса», где старичок, которого они видели сегодня, в парке, признался, что это он виноват в смерти его отца... И кажется старичка звали Геннадий Викторович...

– Я сначала не поверила, слишком уж невероятные вещи рассказывал папа – развела руками Катя – он сказал, что смерть наших родителей была не случайна, говорил про какой-то заговор и временной парадокс...

Голос у Кати дрожал, она отвернулась от Максима и незаметно вытерла слезы.

– Пойдем, нужно найти выход – отрешенно, погрузившись в свои мысли, сказал Максим.

– Но куда? – спросила Катя – здесь коридор разветвляется.

Ребята остановились как раз на развилке. Налево уходил длинный коридор, в темноте разобрать что там не получалось, справа была огромная, герметично закрывающаяся двухстворчатая дверь с табличкой «Лаборатории, вход только в спецодежде».

– Прямо – не задумываясь, сказал Максим и двинулся вперед.

Ребята шли, молча не переговариваясь. На полу были разводы от пролитых химических веществ. Зеленовато-голубоватые разводы, разъедающие даже плитку. Кислота, или Бог знает что, было повсюду. Жидкость давно испарилась, оставив на плитке закристаллизовавшееся вещество. Что это Максим не имел никакого понятия, кристаллы

хрустели под ногами, а в горле начинало першить. Кабинеты закончились, пошли технические помещения, все как один заперты. Около стены стояла древняя рохля, а на полу, недалеко от нее лежала разбитая двадцатилитровая бутылка со странной надписью «КР19. Точь в точь такая же, как та бутылка, которая находилась в синей пластиковой бочке на улице. Разбилась эта бутылка очень давно, все ее содержимое давным-давно испарилось и закристаллизовалось.

– Видимо мы пошли не в том направлении – опасливо глядя на осколки стеклянной тары, сказала Катя – надо возвращаться.

– Надо – согласился Максим – пошли обратно.

Дальше коридор заканчивался, он упирался в открытую дверь. Что-то заставило Максима остановиться и присмотреться к этой открытой двери, а точнее к тому, что было за этой дверью. Знакомые зеленые обои с ромбовидным орнаментом. Вспышка молнии осветила кабинет, и Максим узнал это помещение. На стене висел портрет Ленина в деревянной рамке с треснутым стеклом в левом нижнем углу. И кусочек стального сейфа. Именно этот кабинет Максим видел в своем видении, именно здесь был старик, который виноват в смерти отца...

– Что же ты стоишь – окликнула парня Катя – пошли.

– Нет – твердо сказал Максим – мы пойдем в тот кабинет.

– Но зачем? – непонимающе заморгала Катя.

– За ответами – направляясь к кабинету, ответил Максим.

За безопасность своей любимой он не переживал, что может сделать один старик, Максим всегда сможет постоять за Катю в случае чего, к тому же Катин отец охранник «Прогресса». А вот упускать возможность узнать обстоятельства гибели отца и... кто виноват в его смерти нельзя было ни в коем случае.

Максим стоял уже у самой двери. Дверь была сделана из цельного стального листа толщиной сантиметров пять. У двери была сложная система замков, проще вскрыть сейф, чем эту дверь. На двери вместо должности, как это было на предыдущих табличках, красовалась просто фамилия «Черняев» и большая черная греческая буква пси в желтом круге.

Глубоко вдохнув, словно перед погружением под воду Максим вошел в кабинет. Интерьер в точности был как в ведении. Безвкусовые зеленые обои с ромбовидным орнаментом, деревянный стол у окна. Сейф в углу, у противоположной стены шкаф с разными бумагами и книгами. За окном по прежнему шел дождь и молнии время от времени освещали кабинет синеватым светом. В кресле за столом скрестив ноги и о чем-то задумавшись, сидел старичок лет 65. Лысый, с прядями седых волос по бокам. Он был одет в клетчатую рубашку, синие джинсы и белые туфли.

– Как – ахнула за спиной Максима Катя – откуда он здесь?

Геннадий Викторович заметил ребят и лучезарно улыбнулся.

– Ну, наконец-то, я вас уже два часа здесь жду.

Глава № 2 Информационный синдикат

**За 11 часов до событий на «Прогрессе».
12:00 по местному времени.
Башкортостан, город Бирск.**

Максим буквально весь светился от счастья. Да и неудивительно, он, единственный со всего курса, только что написал парсер... И теперь просто ну очень был горд собой и не смолкал ни на секунду, объясняя своей девушке, как здорово, что на компьютере оказалась Visual Studio, как замечательно, что он догадался использовать многопоточность и прочую, с точки зрения девушки, ерунду.

Катя слушала Максима, он буквально взахлеб рассказывал, как обошел капчу зловредного Яндекса, который блокировал автоматические запросы, и думала о странном поведении отца. Николай Петрович со вчерашнего вечера ходил рассеянный, весь на нервах. Мыл посуду и нечаянно вымыл, лежавший рядом iPad. Затопил баню, но забыл налить воды в котел, благо вовремя заметили. Конечно, Николай Петрович бывает рассеянным, но не до такой же степени... Он даже поцеловал Катю перед сном! Такого девушка не могла припомнить класса с шестого. Но вот что на самом деле беспокоило девушку, так это рассказ отца о том, что случилось с ее мамой на «Прогрессе» 22 июня 1991 года. Рассказ был настолько нереальным и фантастическим, что Катя даже заподозрила отца в душевном расстройстве. Со вчерашнего вечера этот разговор не давал девушке покоя, но поделится с Максимом она не решалась, очень уж не хотелось выставлять отца дураком, да и как она сама будет выглядеть, пересказывая такую странную историю.

– Ты представляешь, при формировании запроса поисковая машина просто динамически формирует url, а url это и есть сам текст запроса, с добавлением некоторых спецсимволов! Алгоритм формирования ссылки найдет даже ребенок! – Максим в пылу своего рассказа не заметил, что девушка совсем перестала его слушать – Ты представляешь!?

Катя сделала восхищенные глаза, и Максим продолжил рассказывать о своем парсере. Ребята неспешно прогуливались по скверу, расположенному в самом центре города, в двух шагах от городской площади.

Максим учился в академии, которая носила гордое название Бирская Социально Педагогическая академия, и как видно из названия находилась в городе Бирске. Учился он на втором курсе физико-математического факультета. Началась летняя сессия, а вместе с ней нервотрепка, бессонные ночи и радость от сданных экзаменов. У Максима недавно закончилась консультация, завтра должен состояться экзамен. Должен и обязательно состоится, вот только Максим на него не пойдет. Он только что получил автомат и все благодаря этому самому парсеру.

Катя, так же как и Максим, училась на втором курсе в той же академии, только на факультете иностранного языка. И, так же как и Максим, шла с консультации и тоже получила автомат. Так что до следующего экзамена у них было еще четыре дня – целая уйма времени. В отличие от Максима, Катя совсем не хотела думать об учебе, а хотела наслаждаться прекрасным летним днем. Сходить на речку или на озеро, ведь впереди целая жизнь, успеют еще погрызть гранит науки, а вот хорошая погода ждать не будет. Катя посмотрела на виднеющуюся вдали речку и зажмурилась в сладостном предвкушении.

Речка была далеко, километрах в пяти, но город находился на горе, поэтому река хорошо просматривалась. Полдень... Солнце припекало уже во всю, и Кате хотелось пить,

а еще хотелось отдохнуть от рассказов своего возлюбленного о великой силе объектно-ориентированного программирования.

– Я даже прикрутил прогрессбар...

– Родной мой, я сейчас схожу куплю минералки – Катя перебила самозабвенно рассказывающего Максима – Ты пока найди свободную скамейку и займи нам место.

Максим растерянно кивнул и проводил Катю взглядом до выхода из сквера. Он так увлекся своим рассказом, что не замечал ничего и вот теперь, с удивлением обнаружил себя у памятника Ленину. Вроде только что вышли из академии... Парень огляделся. Сквер состоял из главной аллеи, в центре которой возвышался дедушка Ленин и нескольких второстепенных прогулочных дорожек. Скамейки были только на главной аллее, и, к сожалению, все были заняты.

Еще, на постаменте Ленина сидела компания четырнадцатилетних подростков. Максим невольно улыбнулся, у всех были волосы либо ярко-зеленого, либо ярко красного цвета. Одеты во все черное с розовым, у кого-то пирсинг на губе, у кого-то в носу. Рядом с ребяташками располагалась целая батарея пивных бутылок, многие из которых были уже пусты.

Максим силился понять то ли это эмо, но эмо не красят волосы в зеленый или красный цвет, то ли панки, хотя, причем тут розовый цвет. Максим вздохнул, он явно отстал от жизни и не понимал новые молодежные течения, хотя и старые тоже не понимал. Максим с сожалением посмотрел на ребят, в четырнадцать лет выпить столько пива в двенадцать часов дня, да еще и в общественном месте у памятника Ленина...

Парень, наконец, заметил скамейку, на которой сидели всего два старичка. Максим поспешил туда, пока его не опередил кто-нибудь другой. Старички, отложив газету о чем-то ожесточенно спорили. Максим присел рядом и невольно стал слушать.

– Николай Николаевич, вы же умный человек, а верите в теорию кого-то большого американца – покачал головой первый старик.

– Джон Колеман не больной – парировал Николай Николаевич – попробуйте почитать его книгу «Комитет 300».

– Пробовал – признался собеседник – галиматья на мой взгляд.

– Галиматья! Да вы хоть половину понимаете из того, что он написал?! Если раньше молодежь всегда активно протестовала против несправедливости существующей политической системы, заставляя власть принимать новые справедливые законы, то теперь вся их энергия направлена из политической сферы в сферу «лохматых причесок». Нынешний молодежный протест — пассивен и уже не имеет той былой силы, которая позволяла им активно изменять мир. Несмотря на то, что современная молодежь считает, что может иметь свободу выбора и самостоятельно мыслить, она никогда еще не была так управляема и направляема.

– Психология старого человека – улыбнулся первый старичок – в наше время молодёжь была умнее, сильнее и лучше.

– Не утрируйте – насупился Николай Николаевич.

Первый старичок ехидно улыбнулся и принялся издевательски декламировать отрывок из стихотворения Лермонтова:

Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри - не вы!

– Разве не видно, что молодёжь тупеет! – воскликнул Николай Петрович – разве не понятно, что теперь для них морально нравственные качества стоят на последнем месте, а на первом деньги!

– Ну что ты хотел, у нас же теперь капитализм – пожал плечами первый старичок.

– Человеческая совесть как весы: на одной чаше капитал, на другой моральные и духовные ценности. Если для человека важнее капитал, то он может предать друга, поступиться своими принципами ради выгоды. А нам упорно навязывают идеологию денег и наживы. Вы слышали о «Гарвардском проекте»?

– Ну да, всего лишь брали интервью у советских граждан, оказавшихся в американской зоне оккупации в конце второй мировой, хотели лучше понять менталитет нашей страны.

– Вот именно, хотели лучше узнать менталитет людей, чтобы потом сокрушить СССР. Тебя не смущает, что финансировали этот проект военные? И у них все получилось. А теперь мы с вами являемся свидетелями второй части этой вселенской трагедии – разрушения Российской Федерации. И она имеет свое название – “Хьюстонский проект”. То, что ежегодно миллион наших сограждан гибнет от наркотиков, алкоголя и табака, что наших пенсионеров, учителей, врачей загнали в нищету, что разрушены практически все производящие отрасли и уничтожена наука, что гибнет культура и великое наследие – это работа преступных денег этого людоедского проекта! А ты слышал, что сказала Маргарет Тетчер, бывший премьер-министр Англии, на своем выступлении несколько лет назад? Нет? Так я тебе скажу, она заявила что “По оценкам мирового сообщества экономически целесообразно проживание на территории России 15 млн. человек”. Я говорю на полном серьезе. Переводчик даже думал, что ослышался и перевел 50 миллионов, но Тетчер его тут же поправила.

– Достаточно – поморщился первый старик – по-моему ты сгущаешь краски. Все время твердишь, что нынешнее поколение уже не то, а сам даже не даешь им шанса.

– Прямо сейчас готов исправить свою ошибку, и дать им шанс – вскакивая, воскликнул Николай Николаевич.

Старик уверенной походкой направился к подросткам у памятника. Подойдя, Николай Николаевич обратился к ребятам.

– Здравствуйте, не подскажите, кому посвящен этот памятник?

Подростки затихли и удивленно уставились на старика. Наконец один из ребят, это был парнишка с зелеными волосами и серьгой в ухе покрутил пальцем у виска и ответил:

– Ты че дядя, совсем ку-ку? Это же Ленин!

– Действительно Ленин – почесал затылок Николай Николаевич – А зачем ему поставили памятник? Что он совершил?

– Нет, ты что совсем... – пацан осмотрел Николая Николаевича и решил высказать, что он думает о старике помягче – глупый. Ленин, он же напал на фашистов и разгромил их!

– Дрон, ты пень с ушами – вмешался другой парнишка с красными волосами – это Сталин напал на немцев!

– А Ленин тогда что сделал? – удивился зеленоволосый.

– Ленин, это германский шпион – уверенно заявил красноволосый – это по телевизору говорили.

– Но фашисты, это же немцы – подала голос девчонка с черными волосами и черной губной помадой – получается, Ленин воевал против Сталина?

– Точно, только Ленин не был фашистом, Ленин боролся за счастья народа, а Сталин угнетал народ – уверенно заявил зеленоволосый и отхлебнул пива.

Николай Николаевич отошел от споривших подростков и, подойдя к своему оппоненту, победоносно посмотрел на него.

– То, что ребята не знают кто такой Ленин, не значит что существует «Хьюстонский проект», всегда были ленивые и глупы школьники – не сдавался старик.

– Как не доказывает! Как не доказывает!!! – всплеснул руками Николай Николаевич – по-моему, глупеть уже некуда!

Первый старик взглянул на часы и охнул.

- Николай Петрович, мы с вами заболтались, мне пора в РЭК палату.
- Что у тебя там за дела? – спросил Николай Николаевич.
- Ты не поверишь, больше года уже не могу оформить куплю-продажу, жуткая бюрократия – вздыхая, сказал первый старик, вставая со скамейки.
- А знаешь почему?
- Знаю, знаю – отмахнулся первый старик – мировой заговор, масонская ложа и кровавая гэбня.
- Почти. Знаешь, что по этому поводу писал Джон Колеман...

Максим еще долго смотрел вслед удаляющимся спорщикам и думал, что надо будет обязательно почитать книгу «Комитет 300». Странно где же Катя подумал парень, давно уже должна была вернуться.

- Ну что, не скучал тут без меня?

Максим вздрогнул и оглянулся. Катя зашла с другого входа, и поэтому Максим, наблюдавший за стариками, не заметил, как подошла его спутница. Девушка плюхнулась рядом с Максимом на скамейку и протянула минералку:

- Будешь?
- Нет, спасибо.
- До чего потешные ребятишки – Катя кивнула в сторону подростков у памятника – Спорят кто кого убил, Сталин Ленина или Ленин Сталина.

Максим криво усмехнулся и ели удержался от желания, напирать представителей молодежных течений и заставить прочитать учебник истории за 5 класс.

Мимо Кати с Максимом спешили по своим делам люди, пробежали смеющиеся школьники, деловитые учителя, угрюмые готы. Словом город жил своей суетливой жизнью.

- Сегодня такая чудная погода – блаженно щурясь от яркого полуденного солнца, сказала Катя – родной, посмотри, сколько людей живут, погружены в какие-то не стоящие внимания мелочи и не осознают насколько прекрасна и удивительна жизнь. Неужели сложно остановиться на мгновение, и проникнуться красотой природы, отстраниться от забот и вырваться из оков суеты и меркантильных дел. Сходить на природу, в лес...

Максим зачарованно слушал Катю, он уже не улавливал смысл слов, просто слушал знакомый, родной голос. Сознание парня, словно легкая утренняя дымка, без остатка растворилось в голосе любимой девушки, в ее длинных ресницах, карих глазах.

Парень обнял девушку за талию. Катя от неожиданности осеклась на полуслове, но буквально через мгновение девушка улыбнулась теплой и ласковой улыбкой. Для Максима это была последняя капля, не отдавая себе отчета, он развернул девушку к себе, крепко обнял ее и поцеловал. В этот момент, Максиму было глубоко наплевать, что они находятся в людном парке, что на него смотрят люди, для Максима сейчас существовала только Катя.

- Прошу прощения, что отрываю вас от столь важного занятия, и быть может, да простит меня Медведев, таким поведением подрываю демографическую ситуацию в нашей стране, но вопрос, который мне надо с вами обсудить просто архиважный.

Максим не сразу смог вернуться к реальности, а Катя была в замешательстве от такого наглого поведения незнакомого старика и не смогла ответить ничего членораздельного. Максим никогда раньше не видел этого человека. На ребят смотрел бодренький старичок лет 65. Он был почти полностью лысый, лишь по бокам остались пряди седых волос, но, как ни странно, это ему шло. Ни усов, ни бороды он не носил, легонькая клетчатая рубашка гармонировала с синими джинсами и белыми туфлями.

- Могу я присесть? – нагло спросил неизвестный.

Старичок не стал дожидаться ответа и сел на лавочку рядом с ребятами. Незнакомец беззаботно закинул ногу на ногу и вальяжно развалился на скамейке. Вся его фигура выказывала непринужденность, граничащую с фамильярностью. Он беззаботно улыбнулся оторопевшим ребятам и, пока те не пришли в себя, представился:

– Меня зовут Геннадий Викторович.

– Я вас знаю? – спросил Максим.

– Вряд ли – пожал плечами Геннадий Викторович – Хотя вот ваши родители меня хорошо знают.

Максим с Катей переглянулись. Станный какой-то старик подумал Максим.

– Яблочко будете – Геннадий Викторович протянул фрукт ребятам – наиболее полезная штука я вам скажу.

– Нет спасибо – помотал головой Максим.

– Хозяин барин, настаивать не буду – пожал плечами Геннадий Викторович и надкусил яблоко.

Старик поморщился и выкинул яблоко в кусты.

– Кажется, мне по ошибке вместо яблока лимон продали – улыбнулся старик.

– Что вам надо? – сухо спросила Катя.

Геннадий Викторович улыбнулся еще шире.

– Вы очень напористы, не любите пустых разговоров, переходите сразу к делу. Прямо как ваша мать, вы очень похожи.

Катя не поверила своим ушам. За всю свою жизнь, как бы странно это не звучало, она не встречала людей, которые знали бы ее мать, ровно также как и отца Максима. Только по рассказам Катиного отца, Николая Набатова, и мамы Максима, Татьяны Мироздановой, ребята и знали о своих погибших родителях. А сейчас неизвестный старик так между делом говорит что знает Катину маму.

– Откуда... вы знаете мою... маму? – запинаясь, спросила Катя.

– Я врач, и знал ее исключительно из-за своих профессиональных обязанностей.

– Но что вы за врач? И что вам от нас надо? – вступил в разговор Максим.

– Я занимаюсь душевными расстройствами, мое призвание дарить людям душевный покой, возвращать им трезвое мышление и реальное восприятие действительности. Именно поэтому я и решил с вами поговорить.

Геннадий Викторович смотрел Кате прямо в глаза с выражением скорби и сочувствия.

– Но моя мама умерла девятнадцать лет назад – тихо сказала Катя – о чем нам говорить.

– А я не о твоей маме хотел поговорить, у твоей мамы с психикой все было отлично.

– Но тогда... – начала была Катя, но Геннадий Викторович ее оборвал.

– Не перебивай, послушай, что я расскажу. Как ты знаешь, твой отец раньше был политиком, сама понимаешь, какая это лживая и черная работа почти у всех политиков бывают нервные срывы. Твой отец не был исключением, но обращаться за помощью он не хотел, и только регулярные требования жены убедили его обратиться ко мне. Я был лечащим доктором твоего отца, поэтому знаю и твою мать. С Николаем Набатовым не было ничего серьезного, мы быстро преодолели кризис и он вернулся к работе. Естественно все это было не официально, это испортило бы ему карьеру, документов, что он лежал в больнице, нет. И вот в 1991 году Николай Набатов снова становится моим пациентом. Смерть жены вызвала тяжелейший психоз с галлюцинациями и параноидальным бредом. Он утверждал, что сознание его жены запуталось во времени, что ее можно спасти только на «Прогрессе»...

У Кати закружилась голова, хорошо, что она сидела на скамейке, а то непременно бы упала. Только вчера ее отец говорил примерно то же самое. Могло ли так случиться, что ее любимый отец не в себе? Что у него душевное расстройство, а она даже не заметила?

Нет, конечно, не могло... а вдруг все же могло? Катя погрузилась в свои мысли и некоторое время не слышала, что говорит Геннадий Викторович.

– ...твой отец тогда еще был у власти, поэтому лечился он у нас неофициально, но я его предупредил, что политикой он больше заниматься не сможет. Не смотря на то, что он послушался меня и оставил эту грязную работу, я все равно не решился оставить его без присмотра, и вот до меня дошли слухи, что болезнь возвращается. Твой отец опасен даже для самого себя.

– Это ложь! – вскричала Катя – мой отец не сумасшедший!

– Никто и не говорит что он сумасшедший – спокойно возразил Геннадий Викторович – просто вы должны знать, что находитесь в опасности. Сейчас у твоего отца приступ, он становится непредсказуемым. Есть один инцидент... я не хочу вас шокировать юная леди, но ваш отец в результате нервного срыва стал виновен в гибели одного человека...

– Этого быть не может! – вскричала Катя – мой отец не убийца!

– Увы, на фоне нервного срыва люди могут сделать что угодно, даже убить лучшего друга. Твой отец думал, что нашел виновного в смерти твоей матери и решил отомстить, он...

– Вы больной – перебила старика Катя – это вам нужна помощь, мой отец никого не убивал!

– И кого же, по-вашему, убил Николай Набатов? – вкрадчиво спросил Максим.

Почему-то Максим был уверен, кого именно назовет полоумный старик, но он все же хотел дать старику шанс, убедиться, что еще не все потеряно. Катя же была вне себя, чтобы скрыть дрожавшие руки, она зажала их коленями. Девушка тяжело дышала, словно после долгого бега, а на бледном лице нездоровым огнем горели темно-карие глаза.

Старик заговорил не сразу. Подумав с полминуты, он начал:

– Катерина вы должны понимать, что психическое расстройство - такое же заболевание, как и все другие. Нет причин стыдиться того, что эта болезнь проявилась в вашей семье. Болезнь имеет биологическое происхождение, т.е. возникает в результате нарушения обмена ряда веществ в головном мозге. Страдать психическим расстройством - примерно то же самое, что болеть язвенной болезнью или другим заболеванием. Душевная болезнь не является признаком моральной слабости. Но, тем не менее, вы должны понимать, что Николай Набатов опасен и ему необходима помощь...

– Кого, по-вашему, убил Николай Набатов? – повысив голос, повторил вопрос Максим.

– Самое главное не ходите на «Прогресс» – Геннадий Викторович заговорил быстрее – это что-то вроде навязчивой идеи для Николая Набатова, вы в безопасности в любом месте, кроме «Прогресса», чтобы не случилось вам нельзя там...

– Кого убил Николай!? – вскричал Максим.

Геннадий Викторович вздохнул, затем выпрямился и, глядя Максиму прямо в глаза тихо произнес:

– Алексея Мирозданова.

Именно это и ожидал услышать Максим. Николай не мог убить отца Максима, это противоречило здравому смыслу, логики и вообще это было невозможно. Анна и Алексей умерли в один день. Николай Набатов всегда поддерживал семью Максима, всегда им помогал, ни разу за все время парень не заметил за Катиным отцом странного поведения.

Хотя с другой стороны отцы Кати и Максима действительно были политиками и по работе их отправили в командировку на «Прогресс». Что там случилось, не знает никто, все сведения засекречены. Несмотря на то, что Николай Набатов тоже был в тот момент на «Прогрессе» он ничего никогда не рассказывал. Катя с Максимом знали только то, что их родители умерли в результате химического отравления.

Пока Максим размышлял над ответом Геннадия Викторовича цвет Катиного лица преобразился из бледно-зеленого в ярко-красный. Девушка молниеносно вскочила со

скамейки и, развернувшись лицом к Геннадию Викторовичу, задыхаясь от ярости, просипела:

– Вы... чокнутый старый... фантазер, мой отец никогда бы не убил Алексея!

Во взгляде девушки было столько злости и ненависти, что любой на месте Геннадия Викторовича провалился бы сквозь землю или убежал без оглядки, лишь бы не видеть эти глаза. Но старик был абсолютно спокоен и невозмутим. Максиму показалось, что еще мгновение и девушка бросится на старика, но этого не произошло, Катя круто развернулась на каблуках и быстро пошла прочь от чокнутого старика.

Когда Максим осознал, что случилось, Катя уже была в десяти метрах от него. Не сказав ни слова старику, и даже не посмотрев в его сторону, парень бросился вдогонку, за Катей.

Геннадий Викторович выглядел совершенно спокойным, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он с досадой смотрел на удаляющихся ребят.

– Глупая была затея – буркнул он себе под нос, доставая сигарету.

– Я с вами согласен – раздался густой низкий бас.

Геннадий Викторович вздрогнул, он узнал, кому принадлежит этот голос, это был Фунус. Старик не знал настоящего имени этого человека, да и никто не знал. Фунус имел внушительную комплекцию, просто настоящий Илья Муромец, он легко мог согнуть металлическую арматуру голыми руками.

Фунус был членом одной очень влиятельной международной организации, которая именовала себя «информационным синдикатом». Хотя официально синдикат не существовал, знали о нем очень многие. Разумеется, знали и спецслужбы, но они не только не боролись с синдикатом, но даже зачастую прибегали к его помощи. Синдикат занимался сбором и продажей информации любого рода, там работали настоящие профессионалы. Организация потому и имела статус синдиката, что в нее входило множество ведомств, в том числе и силовых.

Фунус осуществлял силовой вариант сбора информации, но организация также предоставляла возможность нанимать профессионалов для выполнения черной работы, за баснословные деньги. Но оно того стоило. Наемники были великолепно обучены и имели самую современную экипировку.

Геннадию Викторовичу посчастливилось в свое время спасти Фунусу жизнь, и вот теперь, когда старик решил остановить Николая Набатова, он без проблем получил в свое распоряжение небольшой отряд во главе с Фунусом.

О встрече старик с командиром не договаривался, а значит, ничего кроме неприятностей это не могло предвещать.

– Чем обязан? Мы же договорились, что до операции на «Прогрессе» я вас не увижу.

– Сделка отменяется – холодно сказал Фунус – приносим свои извинения и так как отказ происходит по нашей вине, деньги вернем в полном объеме и более того у вас есть право на один бесплатный заказ.

И не добавив больше ни слова, Фунус развернулся и направился прочь.

– Стойте! – Геннадий Викторович вскочил со скамейки – почему вы отказываетесь?

Атлет остановился и, повернувшись к старику, с ухмылкой сказал:

– Направьте официальный запрос.

– К чему формальности – подходя к Фунусу, сказал Геннадий Викторович – я тебе предлагаю сделку, ты отвечаешь на пару вопросов, а все деньги, которые возвращает мне синдикат перейдут единолично тебе, и не забывай, за тобой должок.

– Я помню – серьезно сказал Фунус – поэтому и пришел сам, по нашим правилам послание тебе на телефон должно было прийти, никаких личных контактов.

Геннадий Викторович с сомнением посмотрел на командира. Старик тщательно готовился к сегодняшнему дню, он знал, что Николай Набатов по указке своего боса, Лихачева, заманит сегодня Максима и Катю на «Прогресс». Поэтому и нанял команду профессионалов, поэтому и закупил самое совершенное оборудование, поэтому и зарегистрировал симку на подставное лицо, используя все мыслимые и немыслимые меры предосторожности. Поэтому никто, НИКТО не мог знать про существования нового номера.

Фунус усмехнулся.

– Ты меня удивляешь, я работаю в организации, которая знает все про всех. Неужели ты думаешь, мы не знаем номер твоего сотового, оформленного на имя Бабуриной Ольги Игоревны?

Геннадий Викторович опешил, и ошалело уставился на Фунуса. Старик действительно был уверен, что номер не знает никто. Наемник улыбнулся, довольный произведенным эффектом.

– Ты можешь задать два вопроса – переходя на деловой тон, сказал Фунус.

Справившись с собой, старик спросил:

– Почему синдикат отказался выполнять задание?

– Сюда едет Лихочев, более того он упоминал «Прогресс».

– Лихочев член «Римского клуба»?

– Да – помедлив, ответил Фунус – на этом твои пара вопросов закончились.

И больше не добавив ни слова член «информационного синдиката» быстрым шагом пошел прочь из парка, оставив Геннадия Викторовича в полном смятении.

В глубокой задумчивости он вернулся к скамейке и сел на нее. Старик был ошеломлен и удивлен, что сюда едет сам Лихачев. «Неужели он не может доверить это своей шестерке, Николаю Набатову» – думал Геннадий Викторович.

Неожиданно зазвонил телефон, Геннадию Викторовичу понадобилась минута, чтобы понять, что звонит его сотовый. Поблуднев, он вытащил из кармана военный коммуникатор российского производства «Кулон», водонепроницаемый и защищенный от магнитного излучения карманный компьютер.

Геннадий Викторович был уверен, что это не из синдиката. А если так, то всем его усилиям по анонимности грош цена. Как и ожидалось, номер был не знаком. С самым нехорошим предчувствием старик ответил на звонок.

– Максим и Катя будут на «Прогрессе» сегодня полдвенадцатого, жди их в корпусе номер семь, в кабинете Черняева – неизвестный говорил уверенно и спокойно.

– Откуда мне знать, что это не ловушка? – осторожно спросил старик.

Неизвестный усмехнулся в трубку и ответил:

– Здоровое недоверие – это хорошая основа для совместной работы

– Вы даже не подозреваете, как вы правы – сглотнув слюну, сказал Геннадий Викторович.

– Как знать, может быть, и подозреваю – снова ухмыльнулся неизвестный и отключился.

Геннадий Викторович еще минут пять вслушивался в тишину, он никак не мог оправиться от шока.

Глава №3 Начало конца

22 июня 1991 года.

7:30 по местному времени.

Башкортостан, город Бирск.

Лето выдалось жарким, ненормально жарким. В тени доходило до 35 градусов по Цельсию. Алексей искренне радовался, что сейчас находится не в душном, закатанном в асфальт Ленинграде, а в небольшом провинциальном городке Бирске. Этот город находился в ста километрах от Уфы, он весь буквально тонул в зелени. Алексей дышал полной грудью, хоть его и отправили за две тысячи километров от его родного города, сейчас он был этому искренне рад. Он уже два года не брал отпуск, работал по двенадцать часов, и вот теперь он все равно, что на курорте. Вспомнив о работе, ход его мыслей приобрел совершенно другой характер. От приятных мечтаний человека, не обремененного властью, отдыхающего в живописном уголке России, к мрачным раздумьям, секретаря Ленинградского обкома КПСС, ответственного за науку и учебные заведения. Вся страна катилась в жуткую пропасть, и остановить разложение давно сгнившей социалистической системы было уже не под силу никому. Алексей Мирозданов вовсе не был сторонником этих коррумпированных капиталистических с позволения сказать товарищей, но он был реалист и прекрасно понимал, что социализм изжил себя. Реформы нужны, в этом Алексей не сомневался, нужны настоящие реформы, а не те, которые принимали эти партийные клоуны. Ну, кому сейчас нужно переименовывать Ленинград в Санкт-Петербург? С гневом думал Алексей. Экономика находится в стагнации, вот-вот разразится жуткий кризис с инфляцией похуже, чем после гражданской войны 1920 года.

– О чем это ты задумался? – с любопытством глядя на своего друга и коллегу по работе, спросил Николай Набатов.

Алексей очнулся от своих невеселых мыслей и уставился на Николая, который буквально излучал жизнерадостность и оптимизм. Мирозданов даже улыбнулся, его мысли снова вернулись в спокойное размеренное русло неги и сладкой лени, которую он себе не позволял уже Бог знает сколько времени.

– Думаю вот, начальничек совсем из ума выжил, посылает нас к черту на куличики, чтобы мы выяснили, пригоден ли военный завод «Прогресс» для размещения в нем филиала Уфимского экономического института – ответил Алексей.

– Нехорошо о начальстве отзываешься – усмехнулся Николай.

– А что прикажешь еще думать! – воскликнул Алексей – «Прогресс» или как он там «предприятие почтовый ящик Г-4815» совсем недавно построили штат 3000 сотрудников самые передовые станки, лаборатории, даже бункер при заводе!!! В этот проект вбухали немислимые затраты, и что мне говорит Геннадий Викторович?! Говорит, что «Прогресс» не в этом так в следующем году разорется, в этом заинтересованы влиятельные люди и максимум, что можно сделать, это избежать простоя административных корпусов, используя их под филиал Уфимского экономического института. Да после такого вообще весь патриотический запал пропадает, они, что там все с ума по сходили?!

– Времена сейчас такие – вздохнул Николай.

– Времена создают люди, общество. В первую очередь люди, у которых есть власть, а у нас есть власть, так что это и наша вина в какой-то степени и мы обязаны сделать все, чтобы времена снова стали хорошими.

Николай ухмыльнулся, вечно Алексея тянет на подвиги.

– Ты у нас кто? Секретарь обкома КПСС, а не, прости Господи, президент СССР.

– Какой к лешему президент, по конституции президент должен выбираться гражданами СССР. Как там заявили: «в порядке исключения первые выборы Президента были проведены Съездом народных депутатов», на котором выбрали Горбачева, молодцы ничего не скажешь.

– Ты прям как маленький, вспомни Временное правительство, их тоже никто не выбирал, наше дело заботится об образовании.

– Да и тут у нас далеко не все гладко – вздохнул Алексей – провалился он пропадом этот треклятый Лихачев, везде натворить дел успел. Это по его указке народный депутат Тихонов предложил, только представьте, упразднить вступительные экзамены в ВУЗы и перевести все на тестирование! Благо в министерстве еще остались здравомыслящие люди, и это предложение не было воспринято серьезно.

– Да, это полный маразм оценивать знания тестированием, кого мы получим роботов, не способных на нетривиальные решения. Если направить всю подготовку абитуриентов на сдачу тестов, то об объективной оценке можно забыть. Ведь стратегию решения задач сразу предложат учителя, к примеру, вычеркивание неверных ответов методом исключения и прочее. Будьте уверены, что ни о каких творческих личностях речь идти не может, мы сознательно убьем в них креативное мышление – с жаром выпалила гневную тираду Анна Набатова, именно она первая высказала Тихонову все, что думает об этой реформе. И не нашлось ни одного человека, который бы с ней не согласился. Да и мыслимое ли это дело, советских детей, чей уровень образования не только не уступал, но и во многом превосходил западный, проверять тестированием. Разве может сравниться беседа абитуриента и профессора, с кучкой вопросов, которые могут охватить лишь малую часть знаний? Неужели оценка профессора, посвятившего свою жизнь изучению этой дисциплины и науки, будет не объективной, или неужели кто-то всерьез думает, что тесты справятся с этим лучше? Все это казалось очевидным, поэтому предложение Тихонова сочли шуткой.

– Да что это мы все о работе, да о работе – воскликнул Николай – вы только взгляните какой тут невообразимо красивый пейзаж! Я говорил с твоей тещей, Алексей, она рассказала, что совсем не далеко есть превосходное озеро, где растут, вы только подумайте, белые лилии!

Николай просто сиял от счастья, словно ребенок, получивший на рождество заветный подарок. Оценить красоты местной природы, как призывал Николай, в данный момент было невозможно. Компания недавно вышла из дома, где они остановились на ночлег. Это был дом родителей Татьяны, жены Алексея. Именно поэтому члены командировки взяли с собой детей. Вообще после выполнения работы друзья планировали отдохнуть недельку другую.

Компания шла по одной из главных улиц города – Интернациональной. Надо сказать, что городок был провинциальным донельзя. Одноэтажные деревянные дома серой вереницей выстроились вдоль улицы. Строений из кирпича и камня можно было пересчитать по пальцам.

Геннадий Викторович, а по совместительству председатель Государственного комитета СССР по народному образованию или по-простому председатель Госкомобразования направил сюда четверых своих сотрудников: Алексея со своей женой Татьяной и Николая со своей женой Анной. Официально, Алексей, как секретарь Ленинградского обкома, был начальником, но Мирозданов вел себя как равный, ведь они с Николаем друзья детства.

Алексей Мирозданов был высокий атлетически сложенный мужчина лет 30, было видно, что он держал себя в форме и привык побеждать во всем. Волевой подбородок, целеустремленный взгляд и отличительная черта, он носил усы и эспаньолку. Бородка

ему шла, в сочетании с приталенным жакетом, выглядел Алексей очень элегантно. Приехал он сюда со своей женой Татьяной. Она осталась в дома нянчиться с их шестимесячным сыном – Максимом, а также с дочкой Николая – четырехмесячной Екатериной.

Таким образом, к «Прогрессу» сейчас шли втроем: Алексей и добродушный невысокий толстячок Николай Набатов со своей женой Анной.

Между тем гости северной столицы покинули город, и сейчас шли все по той же Интернациональной, а справа и слева тянулись поля. Это был пригород, к слову весь городок можно было пройти меньше чем за два часа. Вдалеке справа возвышались какие-то постройки и огромная заводская труба, видимо там располагалась котельная. А впереди уже виднелся «Прогресс». До него было рукой падать, невысокие серые корпуса, высотой в четыре этажа, просторные цеха ласкали взгляд своей монументальностью. Весь комплекс был окружен высоким бетонным забором, с контрольно-пропускным пунктом на въезде.

Сотрудники госкомобразования остановились возле КПП. Из будки контрольно-пропускного пункта к ним навстречу вышел подтянутый человек в военной форме.

– Ваши документы – сухо попросил он.

Алексей молча показал удостоверение.

– Добро пожаловать на «Прогресс» – без тени эмоций произнес военный, отдавая назад документы – Вас ждут в седьмом корпусе. Идите прямо, а затем направо, не заблудитесь.

– Как у них тут все серьезно – усмехнулся Николай.

– А чего ты ждал, все-таки военный объект – пожал плечами Алексей.

Гости Ленинграда направились к седьмому корпусу. Аккуратно подстриженный газон радовал глаз, вдвойне было приятно то, что на территории «Прогресса» везде идеально ровный асфальт. А если учесть что в городе полно улиц, асфальта на которых никогда не было, то сразу становится понятна исключительная важность завода. Еще бы! Военный завод, работает на оборонку страны, штат 3000 сотрудников, и не абы кто, а инженеры, ученые.

Красивая пешеходная дорожка, украшенная с обеих сторон клумбами с цветами, упиралась в широко открытую двухстворчатую дверь. Над дверью небольшой железный навес, и надпись «Корпус № 7».

Алексей, со своей группой уже дошел до входа в корпус, как вдруг Мирозданов неожиданно заметил, что на него смотрит странный человек в белом халате, он безумным взглядом рассматривал Алексея.

– Не беспокойтесь – устало сказал неизвестный голос – это мой коллега, он попал под излучение и теперь немного не в себе.

Алексей резко развернулся, в дверях «Корпуса № 7» стоял еще один человек в белом халате. Он выглядел крайне уставшим, красные глаза, мешки под глазами.

– Меня зовут Михаил Черняев – протянул руку человек в белом халате – мне сообщили с КПП, что вы пришли. Позвольте провести небольшую экскурсию, прежде чем вы приступите к бумажной работе.

– Экскурсию? – удивленно поднял бровь Алексей.

– Ну да – невозмутимо подтвердил Черняев – Мне нужно забрать кое-какие документы из моего кабинета, который находится в этом здании.

Ученый кивнул головой в сторону «Корпуса № 7» и продолжил:

– Заберу документы, а заодно покажу вам, чем мы тут занимаемся. Совмещу так сказать приятное с полезным.

– Ну что ж мы не против – кивнул Алексей – всегда было любопытно побывать на подобных объектах.

– Прошу вас – Черняев, сделав театральный жест, пригласил гостей внутрь.

Сотрудники Госкомобразования зашли в «Корпус № 7» и очутились в огромном, просторном цехе. До потолка метра 3 – 4, кругом было великое множество современных станков. Вся левая стена, состояла из одних окон, поэтому помещение хорошо освещалось. Гул стоял страшный, за каждым станком что-то вытачивали, высверливали или собирали.

– Здесь изготавливаем запчасти, для разной техники, которая потом используется в нашей доблестной армии – перекрикивая рабочий гул, принялся рассказывать Черняев – не стоит задерживаться, самое интересное наверху, пойдёмте.

Алексей с коллегами пошел вслед за Черняевым. Кругом кипела работа и на вновь прибывших никто не обращал внимание.

Петербургжцы прошли мимо одного из наиболее внушительных станков. Он был метра два высотой, выкрашенный в темно зеленый цвет. На уровне рук была небольшая площадка. Сверху нависало что-то напоминающее бур, от которого вверх уходили толстенные шланги. Задняя стенка агрегата была снята, и двое техников в спецодежде ковырялись в сложном внутреннем механизме станка. Сбоку на темно-зеленом корпусе выделялась красная кнопка, на которой висела табличка «Не включать, работают люди».

Неожиданно Алексей заметил, стоявший прямо в цехе, небольшой грузовой автомобиль. Угловатый, покрашенный в желтый цвет, без номерных знаков и крыши для водителя, этот специфичный автомобиль, предназначен для эксплуатации только на территории завода.

За несколько секунд Алексей испытал два потрясения. Первое, это то, что грузовичок оказался электромобилем, работающим от двух огромных аккумуляторов, располагающихся под дном кузова. Но это было легкое удивление, по сравнению с тем, что Алексей увидел через секунду. Люди, разгружающие грузовичок были одеты в «Треллкем Супер». А это один из лучших скафандров химзащиты – выпускаемых в нашей стране.

Алексей с разинутым ртом наблюдал, как сотрудники «Прогресса» в химзащите выгружают деревянные ящики без каких-либо опознавательных знаков или надписей. Мирозданов даже не сразу заметил двоих, стоявших чуть поодаль и вполголоса переговаривающихся людей. Один был в белом халате, видимо ученный, второй водитель грузовичка.

– Слышал, еще один почтовый ящик закрыли, уже третий за этот месяц. Если так дальше пойдет, кто у нас на оборонку работать будет?

– Да, между прочим, совсем недалеко от нас почтовый ящик Г-1623, собирающий танки переквалифицировался, теперь выпускает тапки – ухмыльнулся водитель.

– Не смешно – нахмурился ученый – нам зарплату уже третий месяц не платят... КРЕТИН!!!

Ученого аж перекосило от злости и страха. Рабочий, разгружавший машину, уронил ящик. Крышка отлетела, на пол посыпалась стружка, а в недрах ящика Алексей увидел огромную двадцатилитровую стеклянную бутылку с какой-то бесцветной жидкостью.

– Понабрали безруких идиотов! Хочешь, чтобы мы второй раз за день здание эвакуировали?! – кричал на нерадивого грузчика ученый.

– Пойдемте – на плече Алексея легла рука Черняева – не отходите от меня, это может быть опасно для жизни. А для меня ваша жизнь ценнее собственной.

– Чем же вы таким здесь занимаетесь – севшим голосом спросил Николай.

– Секретная информация – улыбнулся ученый.

– Зачем здесь разгружают эту дрянь, тут ведь нет лабораторий – следуя за Черняевым, спросил Алексей.

– Лаборатории на третьем этаже, отсюда ящики поднимут на грузовом лифте.

Делегация, возглавляемая Черняевым, вышла в обширный коридор, до потолка метра пять, по бокам двери. В одном из помещений выстроилась целая вереница огромных железных баллонов с подключенными к ним датчиками давления и разной другой аппаратурой. Из соседней комнаты доносился низкий гул, как от работы трансформаторной будки. В комнате из приоткрытой двери виднелись толстые электрические кабели и десятки стеклянных шкафов, напичканных электронными датчиками.

– Алексей – раздраженно окликнул Мирозданова Черняев – мы, кажется, договаривались, что вы не будете отставать.

Мирозданов молча подошел к группе, как же достал этот дотошный ученый, какой смысл тогда проводить «экскурсию», если нельзя ни на секунду остановиться.

– Грузовой лифт сейчас занят химиками, пойдем по лестнице – приглашая всех идти за собой, сказал Черняев.

Второй этаж оказался техническим, Алексей лишь успел разглядеть огромные диаметром метра два или три вентиляционные трубы с системой очистки воздуха.

– Зачем вам такая вентиляция? – поинтересовался Николай у ученого.

– Это для химиков, я в их дела не лезу, я специализируюсь в другой области.

– В какой? – поинтересовался Алексей.

– Сейчас сами все увидите – туманно ответил Черняев.

На третьем этаже группе встретилось несколько человек в белых халатах, а один был одет в «Треллкем Супер».

– Ну и денек сегодня – тяжело вздохнул человек в химзащите – Новиков колбу в коридоре разбил с КР19, жутко ядовитая вещь, кстати, ее нам литров 200 завезли, сейчас разгружают. Пришлось всех эвакуировать, дегазацию практически завершили, осталось кое-какие замеры сделать. Начальничек нашего корпуса злой как черт, ему сейчас за всех нас отдуваться придется перед начальством...

Человек в «Треллкем Супер» осекся на полуслове, он с интересом и удивлением рассматривал работников Госкомобразования.

– Черняев, ты в своем уме? – оправившись от удивления, воскликнул один из ученых в белом халате – что здесь делают гражданские, ты понимаешь, что за это будет!?

– Под мою ответственность – коротко ответил Черняев и добавил гостям – не стоит задерживаться, пойдемте быстрее.

– Нет, мы дальше не пойдем – твердо сказал Алексей – мы пришли осмотреть административный корпус, оформить кое-какие бумаги. Вы нам не экскурсию устроили, а ведете куда-то, причем не имеете на это право.

Николай явно напрягся, группа ученых недовольно загудела.

– Конечно же, я имею право – резко оборвал гомон ученых Черняев – вам напомнить мои полномочия? Я не обязан перед вами отчитываться.

Черняев, натянув на лицо самую доброжелательную улыбку, повернулся к Алексею.

– Я специализируюсь в области квантовой физике, знаю, она вам не безынтересна. Алексей, ваш отец не зря послал вас сюда. Он хотел сделать вам сюрприз, я обещал, что покажу вам, чего нам удалось достичь, уверен вы будете потрясены.

Алексей улыбнулся и равнодушно сказал:

– Не убедили, я вам не верю.

– Есть один очень простой способ узнать говорю я правду или нет – не сдавался Черняев – в моем кабинете есть телефон, позвоните своему отцу и сами спросите.

Алексей недобро сузил глаза. Этот ученый ему совсем не нравился и Алексей не за что бы ни пошел с ним, но желание проверить правдивость его слов взяла верх над осторожностью. Отец ни за что бы не причинил Алексею вред, и если действительно отец

хотел, чтобы его сын увидел то, что намерен показать Черняев, значит, бояться нечего. Ну а если нет, значит, придется действовать по обстоятельствам.

Алексей коротко кивнул.

– Вот и чудно – улыбнулся Черняев – нам сюда.

Группа ученых недовольным взглядом проводила гостей, а человек в «Треллкем Супер» выругнулся и гневным шепотом принялся рассказывать своим коллегам что-то про беспредел и страну, которая непременно развалится.

На этот раз Черняев шел молча и не пытаясь создать иллюзию экскурсии. Гости северной столицы шли по просторному коридору слева и справа располагались двери с табличками. Из двери с табличкой «директор корпуса № 7» вышел, толстый человек в пиджаке. Увидев Черняева с группой посторонних, он от удивления открыл рот и глупо уставился на Алексея.

– Это сотрудники проекта «Сетка-АЭ» – на ходу сказал Черняев.

– Так не положено! – краснея и раздувая ноздри, взвизгнул начальник корпуса № 7 – вы действуете не по уставу, думаете, что раз работаете над Сеткой, значит, правила вас не касаются!? Вы переоцениваете свою значимость, сегодня же напишу рапорт!

Черняев даже не сбавил шаг и не обернулся, Алексей, Николай и Анна последовали примеру своего гида. На крик начальника из кабинетов повысовывались работники «Прогресса». Кто-то был в костюмах, это управляющие, а кто-то в белых халатах – ученые. Все молча смотрели на гостей.

– Напыщенный глупый индюк! – зло шипел Черняев, ни к кому конкретно не обращаясь – да весь «Прогресс» построили ради Сетки.

Алексей беззастенчиво рассматривал работников «Прогресса», и их кабинеты. В основном тут занимались бумажной рутинной, на столах куча бумаг и папок, печатные машинки «Ятрань». В некоторых кабинетах были микроскопы и еще куча разных непонятных приборов.

Скоро коридор расширился и разветвился, налево уходило длинное ответвление, судя по всему, там располагались душевые и комнаты отдыха. Справа была огромная, герметично закрывающаяся двухстворчатая дверь.

Прямо по коридору стоял очередной человек в химзащите, это была не «Треллкем Супер». Алексей не знал, как называется этот костюм, но до «Треллкем Супер» ему было далеко. На сотруднике «Прогресса» был надет герметичный комбинезон с капюшоном и с панорамным стеклом в лицевой части. Руки защищали трехпалые рукавицы. Костюм изготавливается из прорезиненного материала.

– Коридор на дегазации, проход запрещен – металлическим голосом отчеканил человек в химзащите. Лицо не выражало никаких эмоций, человек безразлично смотрел на посторонних.

Черняев скрипнул зубами.

– Пойдем через лаборатории.

Черняев уверенно открыл двухстворчатую дверь и вошел внутрь, следом за ним вошли все остальные.

Это был огромный зал, чуть поменьше, чем на первом этаже, но все равно впечатлял. Вдоль стены располагались лаборатории, по сути это были комнаты внутри большого зала. Стены лабораторий были из кирпича, но вот до потолка они не доходили. Практически ко всем лабораториям вели огромные вентиляционные трубы. Ближайшая к ним дверь была стальной и герметично закрывалась, табличка на двери гласила: «СДЯВ. Вход только в спецодежде». Правая стена, как и на первом этаже, почти полностью состояла из окон, поэтому солнечного света было тут в изобилии. В середине зала

располагались стеклянные боксы, стены и потолок комнат были полностью из стекла, боксы соединялись стеклянными трубочками диаметром 10 см.

Черняев быстрым шагом пошел через весь комплекс. Алексей и его подчиненные не отставали. Ученые останавливались, с удивлением рассматривали неизвестных людей, на закрытом объекте и в полголоса переговаривались. Впрочем, остановить или окрикнуть Черняева с его группой никто не пытался.

Благополучно пройдя весь зал, Алексей увидел еще одну такую же, как и при входе, двухстворчатую дверь, ведущую обратно в коридор. Вслед за Черняевым вышли все остальные. Алексей снова оказался в коридоре, слева от них стоял еще один человек в химзащите.

– Мы почти пришли – с облегчением сказал Черняев – здесь недалеко.

Кабинет Черняева оказался в самом конце коридора, среди технических помещений. Алексей уже подумал, что Черняев их обманул, но в этот момент они вышли к железной двери с табличкой «Черняев» и большой черной греческой буквой пси в желтом круге.

– Мы пришли – сообщил Черняев, открывая дверь.

– Почему кабинет среди технических помещений, вдалеке от остальных – поинтересовался Алексей.

– Зачем мне остальные – пожал плечами Черняев – прошу.

Черняев распахнул дверь и жестом пригласил войти внутрь. Алексей не поверил своим глазам, дверь была толщиной сантиметров пять, литой цельной стали. Внутри кабинет не выделялся ничем примечательным.

Безвкусовые зеленые обои с ромбовидным орнаментом, деревянный стол стоял у окна, на столе лампа и два телефона. Один обычный с дисковым циферблатом, другой такой же, только без циферблата, аппарат внутренней связи догадался Алексей. Сейф в углу, у противоположной стены шкаф с разными бумагами и книгами. На стене висел портрет Ленина в деревянной рамке с треснутым стеклом в левом нижнем углу.

– Вон телефон, звони – обращаясь к Алексею, сказал Черняев.

Отец Алексея был народным депутатом СССР, высокая и ответственная должность, но вместе с тем он еще возглавлял научный проект. Он никогда не рассказывал, какой проект курирует, но Алексей догадывался, что сейчас речь пойдет именно об этом проекте.

Алексей напряженно слушал гудки, в голове кружилась куча вопросов. Почему отец сам ничего не сказал, что это за спектакль устроил Черняев, почему так важно показать работу этого сумасшедшего ученого, что это за проект «Сетка-АЭ»? Алексей думал и не находил ответы, он очень надеялся что разговор с отцом внесет ясность.

– Слушаю – раздался в трубке деловой голос Геннадия Викторовича.

– Привет, это Алексей. Я сейчас на «Прогрессе» и у меня к тебе есть пара вопросов.

– Привет сынок – радостно воскликнул Геннадий Викторович – полагаю вопросы у тебя связанные с тем, что показал тебе Черняев?

– Что это за представления вы тут устроили? Что еще за «Сетка-АЭ» и почему ты меня не предупредил?

– Об этом не по телефону – резко оборвал Алексея Геннадий Викторович – не предупредил, потому что боялся утечки информации. Полагаю, ты еще ничего не видел, и боишься довериться Черняеву. Ну что ж здоровое недоверие – это хорошая основа для совместной работы.

– Ты даже не подозреваете, как ты правы – улыбаясь, сказал Александр.

– Как знать, может быть, и подозреваю – озорно ввернул Геннадий Викторович – не беспокойся, Черняев свой человек, извини, больше говорить не могу, подробности при встрече, пока.

В трубке слышались короткие гудки. Алексей медленно убрал от уха телефонную трубку, он ничего не понимал. В голове все совсем перемешалось, но теперь он был готов идти за Черняевым куда угодно.

Похоже, заинтересовали не только Алексея, Татьяна с любопытством переводила взгляд с Черняева на Алексея и обратно. Николай от чего-то стал нервничать, на лбу выступила испарина, пальцы рук постоянно сжимались и разжимались, глаза бегали.

Такое поведение друга очень удивило Алексея, он уже собирался спросить, что происходит с Николаем, но тут раздался голос Черняева.

– Как я и говорил, это инициатива, твоего отца.

Тут ученый повернулся к Николаю и требовательно сказал.

– И так Николай, ты принес весь материал, касательно Алексея? – нарочито громко и четко спросил Черняев.

Николай, заикаясь, пробубнил что-то нечленораздельное и трясущимися руками начал доставать из дипломата какие-то документы, фотографии и предметы. Алексей хмурился, ему было не по душе, что лучший друг, за его спиной проворачивал какие-то дела с Черняевым. И не просто дела, а напрямую касающиеся Алексея. Когда же Николай достал из дипломата игрушечную машинку, с которой в детстве играл Алексей, у начальника экспедиции подкосились ноги. Алексей не мог поверить, за его спиной Николай выкрал игрушку его детства и отдает этому сумасшедшему ученому. И главное зачем?! Алексей вперил в Николая долгий тяжелый взгляд, как не крути, а разговор предстоял серьезный. Николай, похоже, это понимал и перенервничался вконец, все валилось из рук, на Алексея он не смотрел и вообще готов был провалиться сквозь землю.

– Отлично – удовлетворенно осматривая вещи, сказал Черняев – теперь вы Николай и ваша жена, должны выйти на улицу, а мы с Алексеем ненадолго задержимся.

– Зачем? – запротестовала Татьяна – Что вообще происходит?

– Пойдем дорогая – беря руку жены в свою, сказал Николай и потянул Татьяну к выходу – так надо, я тебе потом все объясню.

Дальше все происходило очень быстро. Впоследствии Алексею было трудно восстановить хронологию событий и четко отвечать на вопросы следователя КГБ. Николай со своей женой уже были в дверях, когда мощный подземный толчок, чуть не сбил Алексея с ног, он видел, как перекосило лицо Черняева, который видимо, понял что происходит. В следующую долю секунды он почувствовал, словно волна горячего воздуха ударила ему в лицо, и он увидел отрывок из жизни... словно это были воспоминания или будто он погрузился в сон. Впоследствии Алексей понял, что он увидел будущее...

Алексей сидел в удобном кожаном кресле, закрыв голову руками. Кресло было инкрустировано разными драгоценными породами деревьев. Кабинет, в котором находился Алексей, не мог похвастаться огромными размерами, зато представлял собой воплощение изящества, стройных сбалансированных форм интерьера. Роскошная отделка из дорогих пород древесины и натуральной кожи как нельзя лучше подчеркивали важность и могущество хозяина этого кабинета.

Алексей вздрогнул, куранты на Спасской башне пробили четыре утра. Человек откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Президент России Алексей Мирозданов выглядел очень усталым. За последние несколько дней он словно постарел на 10 лет. Щеки ввалились, лицо осунулось, на бледно-зеленой коже отчетливо вырисовывались морщины, хотя он был еще далеко не стар.

Не смотря на то, что Алексей не спал уже третьи сутки, острота его ума нисколько не затупилась, он все также быстро мог принимать взвешенные прагматичные решения. Вот и сейчас президент пытался найти выход из сложившегося тупика.

В последнее время дела у России шли как нельзя лучше, обратно вошел в состав РФ Казахстан. После развала СССР в составе Российской Федерации удалось удержать почти все республики, в том числе Украину и Беларусь. Алексей помнил, каких усилий ему это стоило. В последние годы в науке и культуре произошел небывалый подъем, уровень жизни непреклонно рос и все шло так хорошо, чего нельзя было сказать о Западе и США. Их политическая и экономическая система переживала кризис конца, которому не было видно. И присоединение Казахстана оказалась последней каплей, нервы у Вашингтона окончательно сдали, после чего белый дом разразился истерическими выпадами в сторону «империи зла» и «диктатора Мирозданова».

Запад под эгидой США развернул такую информационную войну против России, что весь мир искренне уверовал, что Алексей по утрам пьет кровь младенцев и собственноручно расстреливает миллионы. Мирозданов конечно тоже в долгу не остался и в США произошли утечки секретной информации о пытках военнопленных, расстреле мирных жителей в восточных странах, о глобальной слежке и много чего еще. Так что репутация светоча демократии была сильно подмочена. Такой удар правительство США простить не смогло и на фоне всеобщей истерии сумело добиться исключения России из ООН и всех международных организаций, ввести экономические и политические санкции, а теперь еще и объявить беспилотную зону над РФ. Так что вероятность войны была как никогда велика.

Неожиданно дверь в кабинет президента распахнулась от сильного пинка, и в апартаменты ввалился тучный мужчина преклонного возраста. Лицо его покраснелось от бега, и пот крупным градом стекал по лицу. В руках он держал раскрытый ноутбук. Алексей с удивлением посмотрел на министра обороны. Президент не мог припомнить, чтобы этот старый вояка нервничал, он всегда оставался рассудительным и холоднокровным человеком. Даже при объявлении о введении беспилотной зоны над Россией у министра не дрогнул ни единый мускул. А теперь на него было страшно смотреть глаза на выкате от ужаса, руки от напряжения трясутся.

– Товарищ верховный главнокомандующий – начал было министр обороны, но Алексей жестом остановил его. Про себя Мирозданов отметил, что несмотря на ужасное волнение, голос у министра оставался твердым и не дрожал, разве что одышка не давала нормально говорить.

– Владимир, давайте без формальностей сразу к делу.

Министр кивнул, подошел к Алексею и поставил на стол ноутбук.

– С подводных лодок в Баренцевом и Балтийском морях были произведены старты двадцати баллистических ракет, на данный момент они уже пересекли воздушную границу России, войска противоракетной обороны приведены в полную боевую готовность, я уверен нам удастся перехватить эти ракеты, но неожиданно наш союзник северная Корея запустила ракеты в сторону Японии. Это привело к

ужасным последствиям, буквально через минуту еще 4 страны запустили по нам и КНДР ядерные ракеты. Боюсь вторую волну нам отбить не удастся.

В комнате повисла звенящая тишина. Алексей смотрел на экран ноутбука, где над картой мира пунктиром двигалось больше сотни целей.

– Приготовьтесь к экстренному выпуску новостей – севшим голосом сказал Алексей.

– Нет времени – замахал руками министр – до удара осталось 20 минут, необходимо срочно уходить в бункер. Я уже распорядился, по радио и телевидению крутят экстренное сообщение, в стране введено военное положение.

Ведение растворилось и вернуло Алексея в реальность. В ту же секунду оглушительный взрыв разорвал тишину, грохот взрыва буквально ворвался через уши в черепную коробку, и гулким монотонным гудением осталась внутри. Взрыв сбил Алексея с ног, толчок шел откуда-то снизу, здание просело, и опасно накренилось. По стенам побежали глубокие трещины, а с потолка посыпалась известь.

Начальник экспедиции упал удачно, а вот Черняеву повезло меньше, он ударился головой о стену, и теперь лежал без видимых признаков жизни на полу. Алексей вскочил и метнулся к нему, нащупал пульс. Начальник экспедиции облегченно выдохнул, ученый был всего на всего без сознания. Тут пришла запоздалая мысль, что с его друзьями, живы ли.

Николай с женой так и не успели выйти из комнаты, лежали в дверном проеме. Кляня себя, что не подбежал к ним в первую очередь Алексей уже склонился над Николаем. Набатов был жив, хотя и находился без сознания. Видимых ран начальнику экспедиции обнаружить не удалось, и Алексей зарядил Николаю пару пощечин. Некстати пришла злорадная мысль, дескать, получай предатель, но Алексей постарался отогнать ее.

Наконец Николай издал слабый стон и открыл глаза. Увидев Алексея, Николай в ужасе отшатнулся и уставился на начальника экспедиции со смесью ужаса, недоверия и ненависти. Алексею некогда было разбираться со странностями своего друга, и он переключился на Татьяну, которая также лежала без сознания.

Николай за спиной у Алексея вполголоса бубнил, видимо думая, что Мирозданов его не слышит.

– Это конец... они были правы... Алексей всех нас погубит... третья мировая...

Алексей старался не слушать сбрендевшего товарища, «видать не слабо головой ударился» – подумал про себя начальник экспедиции.

Наконец ритуал с пощечинами возымел действие и на Татьяну, она часто заморгала и ошалело огляделась вокруг.

– Я шла в бункер – прошептала жена Николая – я только что видела... видение, оно было настолько реальным, что у меня до сих пор перед глазами стоит вереница людей, идущих в подземное убежище, и жуткий вой сирен Гражданской обороны...

Татьяна тихонько всхлинула. Алексей нахмурился, ему явно не нравилось то, что здесь происходило. Нужно было как можно быстрее выбраться из здания, а потом уже можно будет разобраться со всеми странностями и видениями.

Алексей Рывком поднял на ноги Татьяну, затем Николая. Его товарищи явно раскисли, и толку от них было мало.

– Собрались мать вашу! – заорал на товарищей Алексей – Если сейчас же не уберемся отсюда, то скоро спасатели будут вытаскивать из-под руин наши расплюснутые трупы!

Окрик подействовал. Николай перестал бормотать бессвязные речи, взял Татьяну за руку, чей взор, наконец, приобрел былую ясность. Они приготовились слушать команды Алексея.

– Скорей – кричал начальник экспедиции – вперед по коридору, надо добраться до лестницы.

Поддерживая Николая, который повредил ногу при падении, троица побежала вперед. Сворачивать в лабораторный цех Алексей не стал, рассудительно предположив, что там сейчас опаснее всего и без спецодежды в лабораториях делать нечего. Человек, охранявший коридор куда-то делся. Алексей помнил из разговоров ученых, что дегазация практически завершена, следовательно, опасность минимальная. Поэтому он уверенно повел своих друзей прямо по коридору.

Здание трещало по швам с потолка падали куски бетона, лопались вентиляционные трубы. Алексеем двигала только одна цель, вывести друзей из разваливающегося здания. Оказавшись у самой лестнице, Алексей вдруг вспомнил, что оставил Черняева в кабинете без сознания.

– Спускайтесь по лестнице, выбирайтесь из здания и отбегайте как можно дальше – перекивая стоны и треск разламывающихся стен, закричал Алексей.

– А ты куда? – удивился Николай.

– Надо вытащить Черняева, он в кабинете без сознания.

– Не надо вам этого делать – вмешался неизвестный.

Алексей обернулся на голос. Мирозданов узнал человека, это был тот самый ученый, который рассматривал их у входа в «Корпус №7».

Время на споры не было.

– Выведи их из здания – кивая в сторону товарищей, приказал неизвестному Алексей.

А сам уже развернулся, но тут ученый схватил его за рукав.

– Вы не знаете ради кого рискуете жизнью. Этот человек хотел вас убить... но не сразу конечно. Он предал вас, страну! Вам необходимо выбираться отсюда, ваша жизнь очень важна для всех.

Алексей начинал уставать от идиотов, окружающих его, которые росли в геометрической прогрессии. Устал от их загадок и странностей. Мирозданов знал одно, там, в комнате лежит человек, которого он бросил, и если сейчас же не вернуться, то человек умрет. И эта жизнь будет на его совести. Не желая тратить больше времени на пустые разговоры, Алексей выдернул руку из цепких пальцев ученого и побежал обратно. Но не успел начальник экспедиции сделать и пару шагов, как что-то ударило его по голове. Алексей впервые понял, что значит выражение: «посыпались искры из глаз». Перед глазами поплыли круги, он повернулся на ватных ногах и заметил, что ученый стоит с куском оторванной доски в руке. «Странно, почему я раньше не заметил эту доску, видимо держал за спиной» подумал Алексей. Ноги больше не могли держать ставшее слишком тяжелое тело и Мирозданов медленно, словно в замедленной съемке стал падать на пол. Сознание уже уплывало в спасительное забытие. Последним что запомнил Алексей, были слова ученого:

– У меня не было выбора, это для вашего же блага. Вы мне потом еще спасибо скажите...